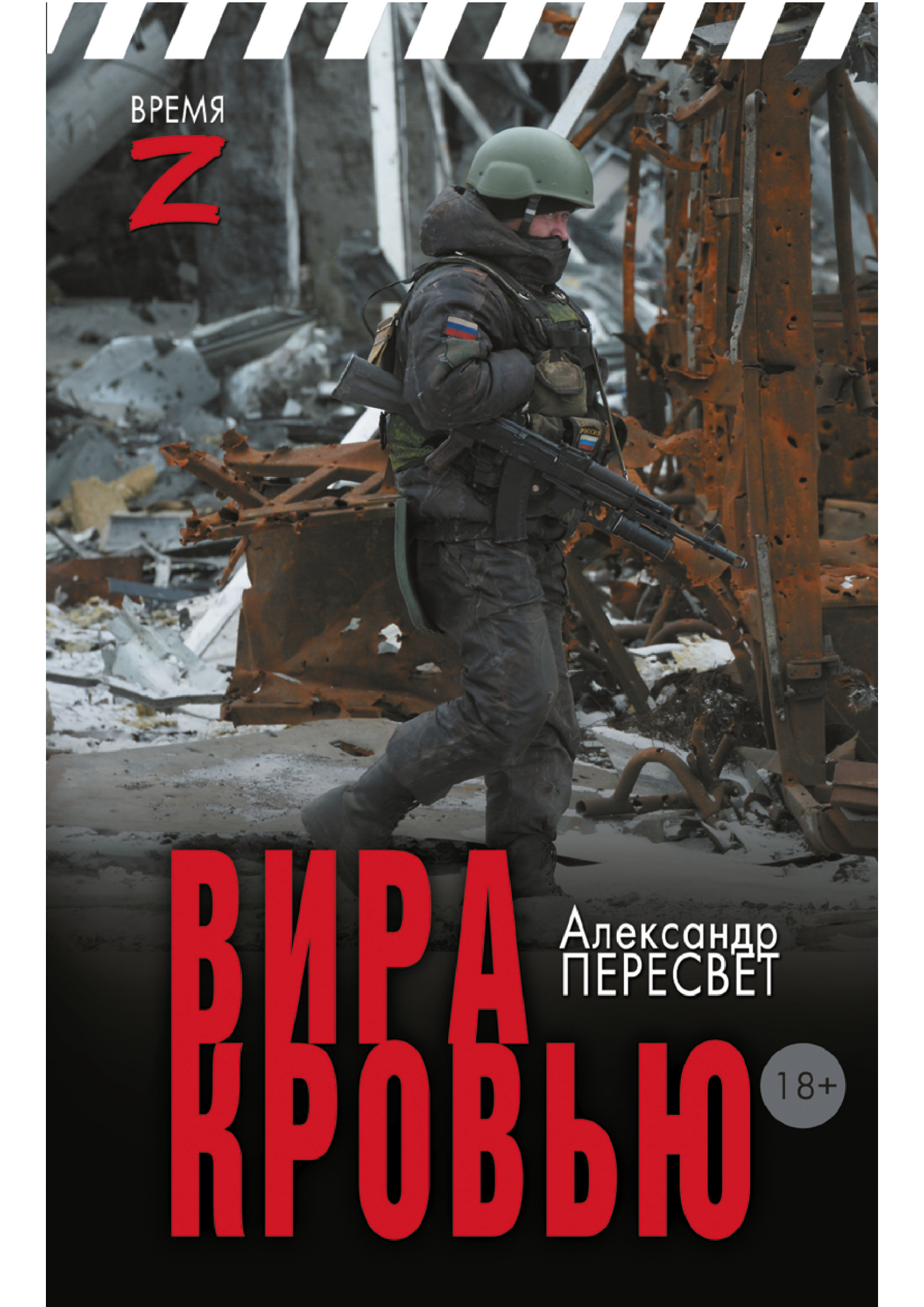

ВРЕМЯ

Z

ВИРА КРОВЬЮ

Александр
ПЕРЕСВЕТ

18+

Время Z

Александр Пересвет

Мститель Донбасса. Вира кровью

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Пересвет А. А.

Мститель Донбасса. Вира кровью / А. А. Пересвет —
«Издательство АСТ», 2026 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-163306-6

Начало 2015 года на Донбассе. Шаткое перемирие между подпавшей под власть нацистов Украиной и восставшими против нацизма донбасскими республиками — ДНР и ЛНР. Перемирие, в которое не верит ни одна из сторон. И оно действительно вскоре взорвётся — штурмом Донецкого аэропорта и мясорубкой под Дебальцево. В центре этих событий оказался россиянин по гражданству и луганчанин по рождению Алексей Кравченко. Офицер и разведчик. В ЛНР он оказался вовлечён в целый водоворот различных событий — от большой политики до собственных личных конфликтов. Он карает убийц своего отца, он раскрывает киевскую агентуру в Луганске, он освобождает свою землю от нечисти, что пришла на Донбасс убивать людей только за то, что те не хотят жить в «нэзалэжном» рейхе. Он собирает с врагов виру кровью. Но и платит за это свою цену... Книга написана на основе реальных событий. Впрочем, все совпадения случайны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163306-6

© Пересвет А. А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Пересвет

Мститель Донбасса

Вира кровью

© Александр Пересвет, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

При оформлении издания использованы фотоматериалы РИА Новости Медиабанка
(*Михаила Воскресенского*)

Глава 1

Куда их везли, было не видно. Конвоиры не снисходили до объяснений. Но по всему выходило, что путь получался каким-то мудрёным. Сначала поехали в одну сторону, затем явно развернулись. Петляли, подпрыгивая на дороге, потом остановились.

Сергей Зайцев, писатель, что помоложе, попросился дать оправиться, а заодно пусть и руки перевяжут, а то отсохнут к чертям. Конвоиры поглумились некоторое время, похохотывая над собственными же плоскими шутками на тему, что сделают с «поганым москалём», ежели тот забрызгает им машину. Но потом несколько образумились, позволили удовлетворить естественные надобности и даже сняли на время эти пластиковые держатели. Срезали, точнее говоря. Позволили размять руки, потом дали каждому по рёбрам – не очень сильно – и снова загнали в будку на колёсах.

Рук уже не связывали. Зато завязали глаза и строго предупредили насчёт того, чтобы не вздумали снять повязки.

Потом куда-то поехали, куда-то приехали. Куда-то повели.

Вокруг чувствовалось оживление. Судя по гнилоственному запаху давно не стиранной одежды, они находились в окружении солдат из ВСУ.

– Пленные, что ли? – обратился кто-то к их конвоирами.

– Больше! Четвёртую власть привезли! Журналистов!

– О! Это хорошо! Ох, и люблю же я пластать этих писак! Нагаечкой! Одно загляденье!

Говорят по-русски, хотя у второго явное украинское произношение. Не мягкое донбасское «гэканье», а такое глубинное, настоящее. Это что же, даже в карательных войсках на Донбассе русский язык у них является нормативным? Слышал про это, а тут наглядное подтверждение. Интересный фактик, надо будет использовать где-нибудь в репортаже.

Ага! Если он будет, репортаж тот. Пока что всё идёт плохо, ввинчиваясь в какую-то всё более глубокую спираль.

Ещё чей-то деловитый голос:

– Сепарские журналюги?

– Бери выше – россиянские!

– Ага-а! Дай-ка я хоть одного прирежу!

– Но-но, борзой слишком! Ценная добыча, до штаба ведём...

Что характерно, диалоги по-прежнему велись исключительно на русском языке...

Завели в какой-то дом, развели по разным комнатам, снова связали руки. Начали допрашивать уже всерьёз: «Кто такие?.. Кто послал?.. Зачем?.. Какое задание?..»

Били не сильно, но унизительно. Пощёчины отвешивали. Один «следователь» отчего-то щипаться начал, кожу выворачивать. Сильно, подлец, крутил, тут уж было больно по-настоящему!

Никакие ответы во внимание не принимались, каратели твердили одно и то же: «Никакой ты не журналист! У тебя поддельные документы. Ты – вражеский шпион». Ну, агент «Путина-Суркова» – это уже так, дежурно...

Видя, что Александр стоит на своём (а ещё бы, иное поведение грозило крупными неприятностями, вплоть до смерти, а смерть, как говорится, достаточно крупная неприятность), главный из допрашивающих начал психовать. Велел найти швабру, долго тряс ею перед носом задержанного, грозился вогнать её в зад по самое горло. Потом придумал идею получше, стал стращать казнь на колу:

– Тут у нас фронт, законы свои. Мы тут пару сепаров недавно на палю посадили – ох, как они извивались! Долго умирали...

Потом и вправду распорядился подготовить кол, с наслаждением продемонстрировал его Александру.

В иной ситуации посмеялся бы, пожав плечами: обычной палкой с заострённым концом угрожают. Но сейчас было не очень смешно. Совсем не смешно было, если признаться. Как-то вот верилось, что укроп может реально воткнуть её в человека.

В каком-то фильме Александр видел, как казнили на колу. Действительно, сидит человек анусом на острие, сползает потихоньку вниз, пропарывая себе внутренности, а под ним пируют, смеются и поднимают бокалы его враги. Да уж, обидно так помирать. Унизительно...

Потом «следователь» куда-то вышел, вернулся злой. Сильно, жестоко пнул пленного носком берца по рёбрам. Александр слетел с табурета и некоторое время корчился в ногах у мучителей, не в силах даже набрать воздуха в лёгкие. «Блин, как больно-то! Если рёбра сломал, как мне – в условиях фашистского концлагеря с этим не выжить». А понятие фашистского концлагеря и поведение этих уродов вполне совпадали.

Они и были чистые эсэсовцы. Даром что по-русски говорили...

– Получи, гнида кацапская, – зло прохрипел допросчик. – За весь украинский народ получи... И радуйся, пёс, что забирают вас отсюда. Только не сильно радуйся: там вас допросят уже по-настоящему! Молить будете о смерти!

Честно говоря, Александр про себя уже решил, что и сопротивляться не будет ей, смерти-то. Преданный собственным начальством, оказавшийся в ситуации безвыходной, приуроченный своими тюремщиками к чему-то явно позорному, он бы сейчас смерть и предпочёл.

Что есть смерть? Так, если по совести? Все мы, люди, как говорил кто-то, лишь мыслящая плесень, покрывающая планету. Покрываем её шевелящейся коркой из миллиардов себя, где каждый является не более чем клеткой и где смерть каждой клетки бесконечно важна для неё – и не существенна для этой самой плесени. Этаким получается интеграл, распадающийся на бесконечное множество бесконечно малых проявлений. И хотя для каждой личности она бесконечно велика, ибо бесконечно окончательна, но сама личность есть ничто на весах Бытия. Личность бесконечна лишь в себе и для себя.

Следовательно, смерть этого «ничто» на весах Бытия и является ничем. И значит, всё это запутанное уравнение сводится в итоге лишь к одному бесспорному решению: сделай так, чтобы в твоём бесконечно великом Личном ты имел право не стесняться своей смерти.

Как умер Саша Корзун...

И потому Молчанов был готов умереть сейчас. Не от слабости и отчаяния. От осознания беспомощности своей перед тем, что задумают сделать с ними нацисты. От невозможности не стать для них куском позорно извивающегося от боли мяса.

А они именно что-то задумали и хотят изобразить на них что-то очень низкое, но очень полезное для себя, для своей хунты, – в этом Александр был уверен уже на сто процентов. И смерть становилась не проявлением слабости и не жестом отчаяния, а последней возможностью смешать планы врагам, последним средством протеста. И борьбы...

Однако у поганных укропов были другие планы. Их, журналиста и двух писателей, снова согнали вместе, вновь перетянули руки сзади, пинками погнали к машине.

Ребята-писатели выглядели неважно: у Сергея заплыли оба глаза, из уголка рта протянулся ручеек крови, уже подсохший. Второй писатель, Фёдор, припадал на одну ногу и вообще как-то неестественно кособочился при каждом движении – то ли рёбра повредили, то ли что похуже, внутри что отбили. Молодые, их и били по-настоящему, чтобы сломать. Сломали? Да нет, по поведению тюремщиков что-то незаметно. Ненавистью пышут, а не удовлетворением.

Запихали в машину, нарочно, по-садистски стараясь причинить новую боль. Куда-то опять поехали, подпрыгивая на ямах в асфальте. Видать, чужая машина, не жалко. Ур-роды, мать их! Дороги взяли бы тут переложить. Враз бы куча «сепаров» поменяла своё отношение

к Украине. А то двадцать лет не делали ни черта, только соки из страны выжимали, а потом ещё и с войной пришли...

Минут через сорок снова остановились. Задержанных вытащили наружу, кинули лицом в снег. Поодаль ждала другая машина, минивэн или что-то в этом роде.

Каратели переговаривались, изредка смеясь и попинывая пленных ногами. Вслушиваться в их обмен мнениями не хотелось: пары первых реплик хватило, чтобы понять, что болтовня ни о чём. Будто и не людей передают, а ящики с консервами. На Кавказе барашков так продают. Но здесь не Кавказ. Здесь был снег, холодно и опять больно вновь затянутым пластиковым ремешком рукам...

Дальше стало ещё больнее, когда новые их «хозяева» сняли пластиковые петельки и сомкнули наручники. Причём так, чтобы металлическое окружье потеснее сомкнулось вокруг запястий, доставляя дикую боль при любом шевелении.

Похоже, боль подопечных – единственное, что по-настоящему радовало конвоиров. Когда Фёдор взвыл и начал просить ослабить стальной зажим, те стали, погогатывая, упражняться в остроумии на тему, что у всех свои инструкции, а «поганый москаль» должен выполнять инструкции, данные ему в ФСБ – расслабиться и не ныть, стойко перенося боль во славу Путина.

В остальном тюремщики выглядели на удивление индифферентно. Словно делали привычную работу. Впрочем, минут через двадцать заскучали, стали снова куражиться.

– Вы хоть знаете, шпионы, к кому вы попали?

Все трое промолчали.

– Ну? – Понукание сопровождалось поощряющим к сотрудничеству пинком по рёбрам. Опять Александру.

– Без понятия, – буркнул он.

– Мы – ужас всех ватников и москальских оккупантов. Мы из батальона «Айдар».

Ясно. Значит, из «идейных» карателей. Да, тогда дело действительно худо. Эти не выпустят, пока не отработают по полной всю программу. И программа будет, похоже, весьма насыщенной – судя по тому, что о них говорят, изобретательные сволочи...

– А прежде мы у кого были? – равнодушно поинтересовался он.

Вопрос ни к чему – судя по обращению, все они тут одним миром мазаны. Сработал репортёрский инстинкт.

– Тебе-то какое дело, кацапчик? – хмыкнул тот же конвоир. Потом всё же ответил: – Тоже наши. Задержали вас наши, привезли к нашим, теперь тоже везём к нашим. Просто не туда отвезли споначалу...

Пауза. Только колёса бьются о рёбра дороги. У неё, небось, рёбра так не болят. И руки.

Потому конвоиры опять заговорили. Нацистам было то ли скучно, то ли, наоборот, они отработывали заранее обговорённый план по запугиванию пленных, но они стали глумливо вспоминать и хохотать.

– Одного, помню, в июле ещё захватили. Борзый сначала был, запирался. Так я ему штык-нож в бедро засунул и начал там внутри пластать, мышцу от мышцы отделяя. Загоню лезвие поглубже и покручу там. Ах, как он корчился, гадёныш!

– Живой? – лениво спросил второй из карателей.

– Живой, куда он денется. Я ж не зверь какой. Артерию бедренную не трогал. Отдали потом на обмен пленными. Только уж ходить он не мог. Да и вряд ли будет...

Вся четвёрка, включая водителя, довольно зареготала.

– А мы одного сепара прямо в доме у него задержали, даже не прятался, сволочь! – начал вспоминать другой. – Отлично его потом поучили родину любить. Водичкой обливали и электрошокер втыкали. Как не сдох, сволочь, просто не знаю...

– А с ними иначе нельзя, с ватниками, – рассудительно проговорил третий. – Они ж человеческого языка не понимают. Вот мы одного прямо из больницы забрали, в Артёмовске. Указали добрые люди, что лежит там сепар с осколочными в груди. Ну, нормально, сперва подвесили за руки, помудохали дубинками по рёбрам, так, для разминки. Всё орал, что, мол, гады мы, фашисты, сволочи... А как ему по яйцам пару раз зарядили, сразу запел...

– Что, бабьим голосом? – глумливо поинтересовался первый.

Вновь хохот.

– Ну, почти. А он же висит, даже свернуться не может. Болеет весь, понимаешь. Заныл: мол, расстреляйте меня. Ну, я ему пистолет в рот засунул и выстрелил...

– О!

– Да нет, патрона не было. Вхолостую щёлкнул. Думал, обдрищется. Но нет, крепкий сепар оказался, отборный. Ничего, потом обдристался. Мы его на двое суток в наручники – и в яму. Сидел там, под себя гадил. Воняло жуть!

– Они, ватники, все вонючие, – утвердительно прокомментировал первый. – Дикари москальские. И чё, помыли его потом?

– А то! Из шланга пожарного как наподдали, так едва к стенке не прилип. Но там, зараза, Мыкола Пузо – знаете его, жирдяй полтавский – получше не нашёл ничего, как ему провод бросить, из розетки прямо. Всех убить мог, урод! Говорил потом, мол, хотел сепара перетряхнуть как следует. Но тот уж не выдержал, кони прямо там, в луже, и двинул...

– Точно, помог сепару жирдяй, – сказал второй. – У нас, помню, одного так долго не отпускали. Задержали на блокпосту возле Попасной. Этих, чистоплюев-офицеров из ВСУ, рядом не было, и оформлять вату даже не стали. Хотя, может, он и не боевик был. Синяка на плече не было...

– Да ладно, – махнул рукой первый. – Все они тут сепары, предатели. Ежели призывного возраста – бери любого, не ошибёшься. Все свои уже оттуда уехали...

– Во, и наш тогдашний командир, Швед, убили его потом, так же рассудил. Отвезли мы сепара в расположение и стали допрашивать. Не разведчик ли, раз у блокпоста ошивается? Ну, побили, как водится, кровью харкать стал. Попрыгали по грудной клетке, попрыгали на спине – живучий, гад, оказался, только плакал всё. Расстрелять просил.

Но у нас дураков не было вроде Пуза того. Посадили его на подвале на трубу, приковали и стали ему кувалдой по пальцам ног бить. Не, точно, не знал раньше, что люди так визжать могут!

Опять смех, довольный, сытый.

– ...Водичкой отливали, в себя приводили. Пока все пальцы не размозжили, не отпустили. Он уж после помер, когда перфоратором ему коленку сверлили. Но тут уж ничего не поделать было: доктор наш сказал – от сердца помер ватник, типа инфаркт. Слабоват оказался...

Александр не чувствовал ужаса, слушая эти рассказы. Ошиблись фашистёныши, не страшно было. Только омерзительно и... чувство, когда убить хочется тварь какую-нибудь гадостную, злую и опасную. Не из ненависти к ней даже, а из брезгливости.

Он вспомнил, как разговаривал на эту тему с Глебом Добровым. Не вчера, раньше. Тот как раз кропотливо собирал все свидетельства о том, как обращаются с пленными на украинской стороне.

* * *

Это система, – рассказывал Глеб, с первого дня занимавшийся обменом пленных и собиравший их показания. Тех, что побывали на подвалах у карателей, под следствием, а то и под судом в «материковой Украине».

Типичный случай – ополченец из взвода, который в своё время сбил самолёт с известным карателем Бульчицким. В силу семейных обстоятельств пришлось ему вернуться домой: тяжело заболела мать, необходима срочная операция. Устроился на работу, под чужим именем, разумеется, но его вычислили и арестовали. А дальше – круги настоящего ада.

«Сравнивая его рассказ с другими, я убедился, что пытки и издевательства стали стандартной практикой не только СБУ, а всех без исключения силовых структур Украины, – рассказывал Добров. – Схема такая: где бы человека ни арестовали, по какому бы ведомству его арест ни проходил, его сразу избивают. Избивают жестоко, не заботясь о последствиях. Если умрёт или получит тяжёлые увечья – это, как говорится, его проблема. Никого за это не накажут.

Забивают до состояния, когда человек не может сопротивляться, теряет ориентацию. Если не получается, приступают к целевому членовредительству: ломают руку, например, или пару рёбер. Рёбра почти всегда норовят сломать. Даже трещина или сильный ушиб обеспечивают постоянную боль, которая не позволяет нормально двигаться и соображать.

Потом надевают на голову полиэтиленовый пакет, как правило, обмакнув предварительно в солёнку. Избитый до полусмерти начинает задыхаться. И вдобавок очень туго перетягивают скотчем на уровне глаз. Всё, воля парализована».

«Да уж, нам еще везёт», – криво усмехнулся самому себе Александр. Но это может значить только одно: их хотят для чего-то сохранить в относительно «товарном» виде. Для чего? Вопрос...

Далее, по рассказу Глеба, задержанного бросают в камеру, как правило, общую. Не кормят. В лучшем случае есть ведро для естественных надобностей. И начинают вытаскивать на допросы.

Допросы идут конвейерным методом. Начинают с того, что человека раздевают догола. Во всяком случае, в СБУ – обязательно. И снова начинают бить. Могут пристегнуть, если есть к чему, – к крюку на потолке, к арматуре или шведской стенке в спортзале – и просто тупо лупят. Палками, шлангами, трубами, ногами, руками.

Как правило, палачи в «балаклавах». Бьют сразу несколько человек, сменяя друг друга, пока человек не впадает в состояние грогги. После этого ему суют его «показания»: «Либо подпишешь, либо сдохнешь». И всё. Большинство сразу подписывают. Некоторые день-два сопротивляются, но не дольше. Потому что это настоящий пыточный конвейер... Потом отволокут в камеру, кинут одежду – и практически не кормят. Через день дают кашу, смешанную с землёй, с песком, с мусором. Правда, по технологии, перестают бить. Разве что для поддержания «тонуса» раз в два-три дня. И так до суда. А там – астрономические сроки...

* * *

Припоминал этот разговор Александр, и даже последние, невзрачные, но колючие кристаллики страха таяли в его душе. Кажется, наоборот, должно бы – в ожидании того, что их ждёт. Но нет, затопляла этот холод, поднимаясь в душе, ненависть.

Бросая взгляды на сотоварищей по плену, и в их глазах не видел он страха. Не маялись они, примеряя на себя обещанные им муки. Укреплялась, наоборот, душа. В беседе тяжкой сама с собою приходила к гневу и решимости перед ужасом предстоящего. И к убеждению, что нет в одном мире жизни с этими тварями. А значит – как бы тяжело ни приходилось телу, слабому человеческому телу, душа будет сопротивляться. Будет противостоять этому миру монстров, что скалили клыки в фашистских байках, что с наслаждением пересказывали друг другу каратели. И даже наручники, казалось, уже не так болезненно впиваются в кожу. И мысли уже не о том, что страшное ждёт их впереди, а о том, как противостоять ему. Как душу свою поставить у него на пути, у этого зла, – раз уж другого оружия не осталось...

Блин, а ведь надо быть объективным... Ты же журналист, Сашка, ты должен быть наблюдателем. Наблюдай, запоминай. Запоминай всё – и если вырвешься живым, тогда уже закалённым, отточенным, как шпагой пером пригвоздишь ты этих нелюдей к столбу позорному. И вскроешь как скальпелем гнойник этих душонок, и выпустишь блевотное их содержимое лужей, в которую да не ступит нога другого человека...

Конечно, не ново это. И словам мало кто внимлет. Но всё равно надо. Как в Отечественную. Как в Гражданскую. Хотя сейчас что? Сейчас и есть гражданская. И не на Украине только. Тут она – частный случай. Гражданская война идёт во всём русском мире. И только ли в русском? Да во всём мире! Между мусульманами, между арабами, между мигрантами и коренными в Европе, в Южной Америке и не прекращалась никогда, про Африку вообще молчим. Да и внутри «белой» цивилизации – она же, гражданская.

Что, наши тёрки с Америкой – межгосударственные? Да вовсе нет! Ибо государству США от государства РФ ничего особенно и не нужно. Тем, кто правит Америкой, в действительности нужна сугубая покорность тех, кто правит Россией – элит российских. А поскольку эти элиты всё же сильно от народа зависят, ибо органы управления, органы подавления из народа набираются, то и натравливается народ на народ. На базу, на потенциал, на обеспечение, так сказать. Чтобы покорнее были элиты, этой базы под собою не ощущая...

И европейцев потому же натравливают на нас. Особенно восточных, которые ближе, и укусы их больнее. А Украина? Она задумана как главная, самая близкая кусачая тварь. И самое главное – всё ещё родная.

Гражданская война идёт не между украинцами, и даже не между украинцами и русскими. А между бывшими советскими. Между двумя частями недавно одного государства и ещё недавно одного народа. Две части бывшей советской империи и две части одного народа рвут и режут себя по живому, чтобы в итоге оказаться двумя враждебными нежизнеспособными огрызками некогда великой страны.

С точки зрения США – лакомая цель. Ничего нет лакомее! Разве что ельциноидные ушлёпки, например, с Урала, подогретые их послом, объявят себя самостийными. Но это сложно. А тут – лепота: две группы народа режут друг друга на благо веселящегося третьего. Который за океаном.

И как мало оказалось надо-то! Только устроить пробуждение бацилл нацизма. Словно растопить кусок древнего льда с первобытными микробами, выпустить их наружу! И вот, пожалуй: ударная сила застрельщиков и активистов гражданской войны готова! А дальше всей логикой войны утягивает за собой всё новые и новые части некогда здорового организма, как эпидемия.

Неизбежно навстречу вредоносным бациллам формируются антитела. Тоже не ангелоподобные, отнюдь. Зубастые, жестокие. Как у них там, биохимиков... – иммуноглобулины, да! Чтобы нейтрализовать бацилл этих нацистских, они сами погибнут, но организм спасут. А чтобы антинацистские тела одолели нацистские, надо что? Нет, не другой национализм им противопоставить. Те же яйца, вид сбоку.

И не интернационализм, конечно. Спасибо, наелись уже «братушками» предательскими да неграми, выбравшими «социалистический путь развития».

А что тогда? А только одно и выходит – имперский проект! Где не нация, а народ. Общий, наднациональный народ. Народ государства. Во главе с элитами государства. Из народа же вырастающими.

Во! Дожил ты, Сашка! Никогда приверженности имперской идее за собой не отмечал. Но достаточно было попасть в плен к нацистам – и как-то само собой вышло.

Чёрт, ну как же руки болят!

Нет, он знал, конечно, что это ещё только начало боли. Запугивать-то их конвоиры запугивали, конечно, на психику давили. Но пыточные технологии явно не из книжек вычитали. И

значит, всё ещё впереди – настоящая боль. Они, трое, нацистам нужны, а значит, будут всеми средствами ломать их волю и добиваться покорности. Ну так что? Вон Санька Корзун, молодой, светлый паренёк, лежит мёртвый где-то в снегу. Ему уж не больно, но в память о нём хотя бы нужно перетерпеть эту боль в руках и плечах. А потом перетерпеть новую...

Чё-орт, как болят! Болите, суки-руки, сильнее, тренируйте мою волю...

* * *

Наконец куда-то привезли. Куда, было не ясно: всем троим на головы натянули чёрные мешки. Надо же, как тут у них всё предусмотрено! Профессионалы, мать их... Не видно было, естественно, ничего, но появилось ощущение, что они не в городе. Пожалуй, и не в деревне. Вроде лес?

Сердце, вопреки рассудку, выразило желание опуститься вниз. На расстрел привезли? Вот так, сейчас всё и кончится?

Прислушался к себе. Того доброго, выручавшего прежде ощущения, что – опять мимо, не день ещё его смерти, – этой уверенности теперь уже не было. Подействовали разговоры карателей, что ли? Или и впрямь, конец?

Да нет, не может быть! Нелогично. Похищать их, катать кругаями, а потом просто расстрелять? Не хозяйственно.

Нет, за всей этой историей явно стояло нечто большее...

Ага, строения здесь всё же были. По крайней мере, одно, куда их втолкнули, буквально за шкуру таща по ступенькам и недлинному коридору.

В помещении, где они оказались, пахло как-то по-особому. Привычные запахи кожи, оружейной смазки, металла, которые всегда витают в помещениях, занимаемых военными, присутствовали. Чего-то не хватало. Да, особой примеси тухло-кислого собачьего духа, который почему-то исходит от укропских вояк.

Какой-то высокий штаб? Конечная цель их путешествия?

– Вот, – сказали рядом. – Доставили. Смотрите.

Им сдёрнули с голов мешки. Уффф... Действительно, военные в комнате. Какие, чьи, – непонятно: камуфляж не наш, без знаков различия, шевроны непонятные. Трое. Все – в балаклавах, видны лишь глаза и рот.

Один подошёл, внимательно, словно при покупке, осмотрел каждого пленника. Затем спросил у Александра – видимо, как самого старшего:

– Кто такие?

Ага, всё теперь понятно! Вопрос прозвучал с вполне уловимой для русского уха звуковой фальшивинкой. Акцент. На двух словах не определить, чей, но человек явно иностранный!

– Журналист и писатели из России, – ответил Александр. И добавил на всякий случай: – Гражданские, в командировке по профессиональным делам...

Иностранец ещё раз внимательно оглядел его.

– Документы?

– У них, – мотнул головой Александр на сопровождающих. Этих было двое – остальные, надо полагать, остались в машине. Интересно, это ж куда их завезли, раз «айдаровские» каратели тут не хозяева?

Документы иностранец изучал долго и внимательно. Особенно внимательно – командировочные удостоверения писателей. Видать, странно для него было, что есть в России какой-то союз писателей, который посылает своих членов в командировки на войну.

А может, он, Александр, это за него додумывает. А на деле иностранец просто по-своему въедливый и аккуратный. Немец?

Всё это время в комнате висела тишина. Не нарушали её и оставшиеся двое военных в дальнем углу за столом, на которых Александр не обратил было внимания. Но потом один из них встал, подошёл к пленникам и резко спросил:

– Чьто девааете тут?

А, ну этот точно поляк. «В» вместо «л» или, точнее, звук между «в» и «л» – такого, кажется, никто больше произносить не умеет.

Александр, молчаливо признанный старшим, ответил:

– Нас насильно привезли. Линию соприкосновения мы не пересекали. На той стороне я лично работаю в качестве официального собственного корреспондента российского информационного агентства. Можете запросить. Мои коллеги – писатели, приехали с гуманитарной миссией. К военным делам отношения не имеем. Международные правила разрешают репортерам вести их профессиональную деятельность на территории военных конфликтов.

– На вас нет надписи «Пресса», – возразил поляк.

– Мы не направлялись в зону боестолкновений, – покачал головой Александр. – Мы ехали по территории ЛНР...

Сзади возмущённо хрюкнули, но поляк перевёл взгляд на конвоира, и тот притих. «Лишний удар по рёбрам обеспечен», – подумал Александр, продолжая говорить:

– ...в Первомайск, чтобы там побеседовать с людьми, как они живут на войне. Нас перехватили на той территории и перевезли сюда.

За дверью раздались голоса, затем она распахнулась, и в комнату кто-то вошёл. Оглядываясь Александр не стал, да и не потребовалось: вошедший проследовал к дальнему столу, за которым сидел третий, пока безмолвный иностранец, пожал ему руку, поприветствовал на английском языке.

Этот был явно здешний: шевроны «Айдара», неуловимые, но явственные ухватки боевика из гражданских, этого общего для обеих сторон порождения войны, причёска неуставного образца с волосами, стянутыми в хвостик. И без маски на лице.

О чём-то тихо переговорил со своим визави, затем тяжело устался на пленников.

Поляк между тем отвернулся к своим и стал излагать содержание разговора с Александром на довольно приличном английском. Излагал в целом точно. Затем отдал документы тому, кто остался сидеть в углу. Тот изучил их, передал «айдаровцу». Станный, остро-хищный взгляд, что украинец бросил на Александра, насторожил его. Что-то тут не так. Что-то связывает его и этого впервые в жизни встреченного боевика. Или виделись? Да нет, провалами в памяти до сих пор не страдал. Не было этого человека в его жизни.

Но флюиды, что текли в его сторону от боевика, ощущались явственно. Вражда, конечно, в них присутствовала, но был и явный интерес. Хищный интерес.

В чём дело вообще?

– Кто из вас из РИА? – спросил «айдаровец».

– Я, – с трудом сглотнув, – во рту отчего-то пересохло – ответил Александр.

Боевик странно усмехнулся, не отрывая всё того же хищного взгляда от пленника. Но промолчал.

Потом снова тихо заговорил с третьим иностранцем. Слышно не было, но, по всему судя, иностранец был главным. Настаивающий на чём-то «айдаровец» вдруг прервал разговор и обратился к одному из конвоиров:

– Поясни господам, как было дело.

Тот напрягся, но докладывать стал чётко:

– Согласно рапортам членов подразделения, взявшего этих людей в плен, они попытались прорваться в наш тыл в составе диверсионно-разведывательной группы сепаратистов. В неё входило семь человек, все из состава казачьей банды Сонного, согласно собранным на поле боя документам, а также трое россиян. В результате боестолкновения четверо нападавших были

ликвидированы, трое россиян взяты в плен, разоружены и находятся перед вами. С нашей стороны потери один убитый и двое раненых.

Ложь была настолько чудовищна, что Александр онемел. Но не растерялся Зайцев:

– Врёт он! Мы писатели, ни на кого не нап...

Удар прервал его речь.

– К сожалению для вас, в наших руках документы и оружие убитых бандитов, – с явственным удовольствием произнёс «айдаровец» с хвостиком. – По ним видно, что боевики принадлежали к так называемому «полку» атамана Сонного. То, что вы писатели, не освобождает вас от ответственности за вооружённое нападение на украинских солдат на украинской земле с убийством одного из них. Вашу участь может облегчить только чистосердечное признание и покаяние.

Поляк бубнил на заднем фоне, переводя разговор для старшего иностранца.

– Не в чем нам признаваться, – угрюмо бросил Александр. – Ни в каких прорывах мы не участвовали. Ехали в сопровождении каза...

Удар прикладом по спине заставил и его замолчать. По инерции он сделал два шага, затем отступил на шаг назад.

– Во всём признаетесь, – веско проговорил «айдаровец». – Будете рассказывать во всех подробностях и даже с художественными деталями, раз вы писатели...

И он повернулся к иностранцу, возобновив неслышную беседу.

Так... Вырисовался их замысел: собираются показывать на пресс-конференциях российских литераторов, обезумевших от своей украинофобии настолько, что вместе с сепаратистами напали на украинских солдат.

Но при чём тут тогда иностранцы? Зачем их к этим-то привезли – то ли инструкторам, то ли наёмникам? Логичнее было в Киев везти! Или куда тут таких полезных для пропаганды пленных возят...

За столом между тем стали говорить чуточку громче, и благодаря тому не сделанному назад шагу Александр начал разбирать отдельные слова. Разговор, судя по всему, выходил для «айдаровца» разочаровывающим. Лицо того всё больше мрачнело.

– No... – доносилось до Молчанова гнусаво-американское. – ...don't need... civilians... reason... bucks... too much...

Да он что, продать нас, что ли, хочет? Ну, дела-а!

Видимо, узрев по изменившемуся лицу Александра, что он нечто уловил, боевик рывкнул на конвоиров, приказав вывести задержанных из помещения. Те с удовольствием напялили им мешки на головы и пинками выгнали пленников.

Ну дела... Их, значит, завезли в лагерь наёмников или сразу к иностранным кураторам. И пытались продать. Украинский нацист иначе не умеет. Разве что самый идейный?

Но на кой чёрт они иностранцам? Те своего пребывания тут не выпячивают. Не вылезут же они на прессу с пленными русскими писателями?

Бред... Стоп!

Наёмники наверняка догадались, что засветились перед русскими. Значит?

Значит, живыми нас отсюда не выпустят...

Он снова покатал эту мысль в мозгах. Ничего особенного при этом не испытал, видать, и вправду уже свыкся.

Допустим и другой вариант: их рассчитывают сломить так, что об иностранных наёмниках на укропской стороне они уже не заикнутся.

* * *

Свой «законный» удар по рёбрам Александр получил при посадке в машину. Видать, тот «айдаровец» с хвостиком вышел из штаба наёмников не в лучшем настроении. Не удалось торгануть.

– Ладно, давайте этих к нам, на пансионат. Там поговорим с ними, поучим, как правильно отвечать надо...

– Может, в Половинкино? – заикнулся один из конвоиров. – Там это, подвал надёжнее. Опять же – штаб...

– Завтра отвезём, – отрезал вожак. – То наше дело, чуешь? А в штабе жадных дюже много. Наложат лапу на наш товар, и тю-тю. А я сам на них заработать хочу.

«Хм», – усмехнулся про себя Александр, предположение о торговле оказалось верным. Как бы теперь не захотели продать их на органы, коли живыми не удалось. Было такое: находили на освобождённых от карателей территориях трупы с вырезанными органами.

Нет, лично он староват уже для подобной роли. Да с его-то профессией от печени слёзы, небось, остались ...

«Хвостатый», впрочем, уже разяснял своему бойцу:

– Ладно, не удалось втоухать западникам, – завтра их в Киев загоню. Там немало хлопцев, кому свеженькие москали нужны, хоть сто раз писатели. Ещё и лучше: боевики сепарские надоели всем, а тут живые кацапские писатели, в нападении на нас за жопу взяты. И не хрен их в штаб везти. Там эсбэушники стукнут своим – и заберут наш товар бесплатно. Понял?

– А ты тут уши не распускай, – Александр почувствовал удар по загривку. – Для того и говорю при вас тоже, чтобы знали свою роль на будущее. Жить хотите – по-моему делать будете. Что велю. А хотя вам и делать ничего не надо, просто подтверждать будете, что вас спросят. Тогда целенькие и даже здоровенькие в Киев поедете. А будете выделяться да ломаться – так мы вам на все ваши ломаки своими ответим. Только для вас это больно получится. Очень. За каждый отказ сотрудничать по кости ломать будем. А потом всё равно в Киев продадим. Для камеры неважно, что у вас рёбра и ноги переломаны. Усадят вас в кресла и улыбаться ещё заставят. А потом – хоть на инвалидном выкатят.

Да, это было, пожалуй, пострашнее того уже преодолённого страха смерти. Страх позора.

Пожалуй, хорошо даже, что на голове мешок. Не досталось карателю нацистскому испытать торжества, не увидел он отчаяния на лице «москаля»...

– Про нас знают, – справился с собою Александр. – Куда поехали... Узнают, как всё было...

Ещё удар.

– Вот умеешь же ты, дядя, настроение портить, – почти безмятежно произнёс «айдаровец». – Ты сейчас по краешку самому жизни идёшь, а мне возражаешь. Счастье твоё, что добрый я, потому что всё равно на вас заработаю. А что узнают – так это ж потом будет. Когда вы уже своё отработаете на мой бизнес. Ну, на наш с хлопцами, – поправился он, чтобы не терять бандитского авторитета в глазах своих подельников.

– Та пускай сто раз узнают, что как было, – продолжил он лениво. – Важно одно: признание ваше в нужный момент. А через месяц-другой кто вас вспомнит с вашими опровержениями? Ты тут не один такой весь из себя журналист. Я тоже профессионал в этом деле. Хоть и не из Москвы вашей поганой, но целой газетой в Луганске руководил. Пока вы тут, русня проклятая, не начали в свою «русскую весну» играть. Так что не надейся, кацап. Всё сделаете как надо. А как мы это организовали, неважно. Война всё спишет! И каким способом ты добился, чтобы враги работали на тебя, неважно.

Ладно, задолбал ты меня, – вдруг озлился «журналист». – Покурили, поболтали – и хватит. Пакуйте их, хлопцы, а то вон друзья наши уже косятся. Везём до нас. А там поглядим, как эти москалики извиваться будут, чтобы мы позволили им наши ботинки облизать...

Глава 2

С бандитами Лысого расстались по-братски, или, точнее, по-братански, как у подобного контингента принято. Доехали с ними до поворота на Тошковку. Там должна была ждать связь от контрабандистов Сто первого, с машиной с чистыми украинскими номерами.

Самый напряжённый момент был при пересечении украинского блокпоста. Хотя Лысый сделал всё, как обещал, и за рулём бусика, а также рядом с водителем сидели его хорошо проинструктированные «замом» Лысого бандюжата, достаточно было любой случайности, чтобы всё сорвалось.

Алексей Кравченко не любил случайностей. И ещё он не любил доверяться незнакомым людям в боевой работе. А здесь было именно это: на задание – с незнакомыми людьми, которым не доверял... Но вот теперь Буран сидел в глубине лысовского бусика, изо всех сил изображая беззаботность, пока сопровождающий их бандит обменивался приветами со сторожащими блокпост укропами. Приветы, надо полагать, носили вполне финансовый характер, поскольку звучали слова: «Да, сам обещал... Как обычно, двадцатого... Не, ну я-то не лезу в такие дела... Моё дело – пропуск на машину получить... Ладно, пучком, давай, сам не пропадай!»

Чёрт его знает, какие смыслы могли таиться в этом диалоге. Может, сейчас рванут дверь в сторону, наставят оружие и потребуют выходить. И – амба. Жизнь-то свою они продадут дорого, это без вопросов. И шушеры этой блокпостовой ляжет много. Но задание останется невыполненным.

Алексей старательно улыбался, слушая совсем распоясавшегося в артистизме Шрека, который рассказывал очередную байку из своего богатого опыта криворожского «пацана». Было и впрямь смешно, как он прямо в лицах изображал одного из своих бригадиров. Тот, дескать, чуть ли не в тапочках и домашних трениках вышел вынести ведро с мусором. А мимо проезжали его приятели, сослуживцы, так сказать, по банде... И предложили ему с ними в Крым поехать, развеяться с тёлочками. Он возжелал. Домой уже не вернулся, а ведро им в багажник кинул, да и поехал. На два месяца загулял. А по возвращении дикий скандал жене закатил, с битьём, что она, вестей не дождавшись, отпевание заказала и сороковины отметила...

Так и миновали блокпост со смехом. Бандиты Лысого уверились, что везут «своего». И законно предположили, что второй, с подозрительно тяжёлыми сумками, тоже из своих, контрабандистов. Прикинуты мужики нормально, по-пацански. Да, спасибо МГБ, со знанием дела спроворили им одежонку.

Группа тихарилась за кустами на обочине, за деревней, дожидаясь контрабандистов – всё же доехали быстрее, чем рассчитывали. Оно и к лучшему. Поглядим, те ли явятся. И так ли, как договаривались. Наконец, вырос и затих неподалёку шум мотора. Алексей одним взглядом срисовал номера остановившейся на обочине «буханки». Всё было правильно: те самые, которые ему довели перед выходом.

На дорогу вышли Шрек с Юркой. Убедительные во всех смыслах («Буран на бандита не тянет, у него через минуту разговора офицерская закваска выходить начинает», курносый Еланчик «простоват, видно, что не бугор»). На условный сигнал оба сидевших в «буханке» человека среагировали тоже правильно: вышли наружу и показали пустые руки.

Две пары сошлись, поздоровались. Обменялись несколькими словами. Потом Шрек обернулся, махнул:

– Нормально всё!

Буран с Еланцем поднялись. Всё было действительно нормально. Обычная стрелка деловых ребят без претензий друг к другу. Просто парни из некой команды встретились с «кон-

трабасами» во исполнение приказа своих боссов. А какие там замыслы-умыслы у этих самых боссов – не их, исполнителей, дело.

В общем, всё то, как и передали Мешков с Митридатом. И здесь правильный номер машины, правильные документы. Даже страховка на имя Вовки Селиванова – Володимера Селюченко из города Винницы. И некий пропуск под лобовое стекло, с которым, как обещано, на обычных блокпостах не остановят.

Деньги на Украине по-прежнему творят всякие мелкие чудеса. А иногда и крупные.

Это ж сколько успели гэбэшники за те три часа, что прошли между изменением плана операции и отработкой тех мелочей – очень не мелких мелочей! – для обеспечения довольно авантюрного начинания. Ему-то казалось, главное – тихо войти. А там – раствориться в зелёнке, отловить пленного, аккуратно порасспросить... Обычный выход, только с заменой громкого захода на тихое проникновение под личиной бандитов Лысого.

Как же велика разница между обычной военной разведкой и разведкой ГБ! Холодок время от времени пробегал по кишкам: справятся ли они, обычные армейцы, с такой задачей? Тут ведь особый уровень оперативной работы под прикрытием. Чему его, армейского боевика, не учили.

Научили, правда, в охранном предприятии «Антей-М».

Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. У них с ЮрьАнатоличем, он же товарищ Злой, определённый опыт в этом деле есть. Да ещё в самом кубле – в Москве! Плюс у них Витька Еланчик, пластун уральский, который ввинтится в любую щель незамеченным. И будет лежать посреди голой степи под ногами у врагов, а те будут и не в курсе, что он тут есть. И напарник у него замечательный, с фантастической реакцией и с внешностью, просто созданной для работы под прикрытием! Шрек по внешности незабываем, но еще труднее предположить, что под нею таится умный и умелый диверс, быстрый, сильный и хитрый, как медведь.

Шрек (и Злой вторым номером) были назначены на роль основных бандитов ещё в Луганске. Злой – потому что умел вести себя с той неуловимой криминальной грацией, которой отличаются люди, прошедшие школу российского (и украинского тоже, впрочем) беспредела. А то, что он настоящий опер, на лбу у него не написано.

А Шреку и уметь не надо было: в прошлой, довоенной жизни он хватанул настоящей бандитской «романтики», вытрясая «лишнее» из разных бизнесменов с подмоченной деловой историей. Иной раз в кубрике он делился воспоминаниями о своей полной приключений жизни, ни в чём, кажется, не раскаиваясь из содеянного. И кое-что из этих воспоминаний было, на взгляд Кравченко... скажем прямо, неприемлемо.

«А что ты, командир, так смотришь?» – однажды как-то прервался Вовка, заметив обращённый на себя жёсткий взгляд Алексея. – «Ты не думай, ни одного трупа на мне нет. Христом Богом поклянусь, хоть встать мне на монку в следующем выходе. Кривой Рог, конечно, тот ещё зверинец, но вот лично у нас, начиная с босса, был принцип: честных не трогать. Вот да, по принципу. Хочешь верь, а хочешь – нет. И никакой мокрухи. Напугать до полусмерти – это да, это делали. Так ведь и трясли бизнесов, которые сами грабители были те ещё. А их мне, знаешь, как-то и сейчас не жалко, хотя давно отошёл от тех дел».

Безгрешных ангелов в подразделении вообще не было: война так или иначе окунает руки солдата в чужую кровь самым принудительным образом. Но одно дело – убивать эти самые вражеские приставки к оружию, как говорил Ященко. А другое – честного коммерса жечь паяльником за то, что честно заработанным не хочет с бандитами делиться...

Кравченко тогда взгляд свой выключил. Он и сам не заметил, как глаза его пожестчали по ходу смешного поначалу рассказа. И испытал немалое облегчение: ему самому крайне не хотелось, чтобы прекрасный и по-человечески очень порядочный, даже добрый этот дядька оказался со следами невинной крови на руках. Слова Шрека было вполне достаточно. Вовка не врал никогда. Как он сам сказал, хватило одного чужого примера, чтобы закаяться ему

следовать. В их мафии, или как там это у них называлось, от такого быстро отучали. Тем более недопустимо это в разведке, где от полной и безусловной правдивости зависят жизни всех – и прежде всего своя собственная.

В общем, Шрек был из благородных бандитов. Но настоящих. Или из настоящих, но благородных – не суть. Главное, что отошёл он от тех дел ещё в начале нулевых. Как раз из-за того, по его словам, что банду их самим ходом дел начало уводить от мелкого рэкета против криминальных бизнесменов к более вредным делам.

То есть бизнес приходил в систему, а вместе с ним приходил в систему и организованный криминал. «Вольные лесные стрелки», подобно их древнему предтече Роберту Локсли из Шервудского леса, уже не имели шансов в условиях, когда бизнесмены слились с чиновниками. И все вместе – с «шерирами».

В этих условиях небескорыстным, но благородным Робин Гудам оставалось либо работать на тех же криминальных бизнесменов, либо заказывать себе заочное отпевание. Про какое у Вовки тоже была отдельная история.

Потому Шрек ушёл сначала в охранники, потом в водители-охранники. Возил бизнесов, защищая на месте и «расплетая забивы» после. Возил спортсменов, каких-то ингушских борцов, от которых сбежал вскоре по-тихому. Возил даже какого-то лихого батюшку, про которого рассказывал уморительнейшие истории. Наконец, создал с бывшими друзьями по своему «шервудскому лесу» фирму, в составе которой стал перегонять автомобили из Европы. Отлично, говорил, дело шло: сами себе бизнесмены, сами себе водители, сами себе охранники. И раздуливалышки – тоже.

При Яныке, правда, этот бизнес начал сам собою затухать. Европа с её машинами сама стала приходить на Украину. И зла на президента Шрек не держал, понимая, что не в нём дело, а в общем. В тенденции, как сказал бы более образованный человек.

По идее, должен был поддержать майдан, как некоторые из его товарищей по бизнесу, захотевшие, чтобы всё вот так, как в Европе, и немедленно, и сейчас! Вроде даже в Автомайдане кто-то мелькал из них.

Но бурливший на майдане нацизм русского Вовку Селиванова, с его двумя дедами, погибшими на войне, причём одним – от рук «мельниковцев», отвращал на самом глубинном уровне. И он просто держался в стороне от всего этого и ждал, что коричневая пена схлынет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.